

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЭЛИНДЖЕРОВСКОЙ ТЕМЫ «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» В РАССКАЗЕ ЭРРИ ДЕ ЛУКИ «ДОСКА»

Бубенцова Е. И. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова, кафедра литературы и межкультурных коммуникаций»)

Аннотация. В центре внимания автора статьи проблема идентификации подростка в современном взрослом мире и специфика ее художественного осмысления в творчестве Эрри Де Луки (рассказ «Доска») и Дж. Сэлинджера (роман «Над пропастью во ржи»).

«Доска»... Одновременно просто и вместе с тем загадочно, конкретно и символично звучит название рассказа итальянского писателя Эрри Де Луки. Оно притягивает к себе читателя, заставляет открыть книгу и поскорее узнать, о какой доске идет речь и что интересного можно вообще написать о какой бы то ни было доске.

Уже в начале рассказа любопытство читателя оказывается отчасти удовлетворенным: речь идет о доске, которую «отодрали от учительского стола, чтобы посмотреть на ножки практикантки» [1, с. 75]. Нанесено оскорбление молодой женщине, что незамедлительно становится известным директору лицея, потребовавшему назвать имена виновных. Ученики оказываются перед выбором: «выдать двух товарищей или принять на себя все последствия непокорства, в том числе риск, что тебя выгонят из лицея» [1, с. 76]. Не зная, как поступить, подростки объединяются «в глухом молчании» против враждебного и ненавистного школьного мира, живущего по правилам, навязанным взрослыми: «Была навязанная преподавателями казарменная муштра, безличная и благонамеренная, а потому вроде бы оправданная» [1, с. 76].

В центре внимания Эрри Де Луки оказалось, на первый взгляд, совершенно незначительное реальное событие (одним из участников которого был и сам рассказчик), произошедшее в 1967–1968 учебном году в лицее имени Умберто I, в Неаполе. Однако в ходе развития сюжета событие это перестает быть «незначительным»: слова, роящиеся в рассказе Эрри Де Луки вокруг вполне конкретного и обыденного предмета, постепенно наполняются глубинным смыслом, превращая обычную, от скуки или из пошлого любопытства оторванную школьниками от учительского стола доску в символ последнего рубежа на наших глазах рушащегося школьного мира, издавна основанного на уважении и соблюдении этических норм. И, хотя в душе подростки «чувствовали себя виноватыми» («равнодушным к ножкам практикантки не остался никто»), но «были скорее готовы погибнуть, чем отречься от двух своих товарищей» [1, с. 77]. Так было положено начало «войне» между учениками «с их заговором молчания» и учителями, пытающимися воздействовать на школьников дисциплинарно, чтобы сломить «неслышанное упорство всего класса». В качестве осажденных чувствовали себя ученики и дома, где «царила инквизиторская атмосфера – как в школе, если не хуже» [1, с. 76]. Никто не отнесся к поступку детей с пониманием, никто не признал, что они имеют право «молчать в ответ на угрозы». Герои рассказа Эрри Де Луки оказались брошенными на произвол судьбы в угоду учительским амбициям (или просто из-за съедающего как ржа железо систему образования равнодушия) в самый важный для них момент – момент нравственного выбора.

Иными словами, в центре внимания Эрри Де Луки оказывается проблема противостояния детского и взрослого миров, экзистенциалистская по своей сути проблема духовного самоопределения подростка в жестоком и равнодушном мире взрослых – мире конформизма и поклонения материальным ценностям, получившая в начале 50-х гг. столь яркое и глубокое художественное осмысление в нашумевшем романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951). Но, если у Сэлинджера потеря прекраснотушных иллюзий героем его романа Холденом Колфилдом происходит на глазах у читателя, то героев рассказа Эрри Де Луки уже к началу описываемых событий связывает лишь «принадлежность ко второму «Б» классу лицея имени Умберто I в Неаполе», и иллюзий в отношении окружающего их взрослого мира у них уже нет. Напротив, в них уже выработалась конформистская привычка покорно следовать узаконенным правилам, ибо мир, в котором они живут, давно уже подточен изнутри: в нем нет ни уважения к учителям, ни школьного братства. Нет в этом мире и ярко выраженных попыток учеников идентифицировать свою личность (пусть даже по-юношески эпатажным способом, как это делал герой романа Сэлинджера Колфилд). Нет даже намек на бунт, а есть лишь всеобщее стремление победить в противостоянии «ученик – учитель». Неудивительно, что, «когда война только начиналась, восторжествовала стихийная тяга к дисциплине». Все без исключения обратили свою «любовь к порядку» на пользу заговору молчания, который на деле оказался сродни основанному на страхе обычаю мафии – омерте, а не делающей человеку честь солидарности – готовности «пожертвовать чем-то дорогим для себя и не прятаться за спинами других» [1, с. 76].

Единственным человеком, который попытался соединить распавшиеся половинки должного быть единым мира, стал в рассказе Джованни Ла Манья учитель греческого и латыни, который в глазах учеников всегда был «благим Зевсом» среди других божеств «скучного преподавательского Олимпа». Именно он напомнил считавшим себя жертвами произвола учителей подросткам о совершенном ими самими произволе – о «произволе и самоуправстве многих против одной женщины». Проработав много лет в системе школьного образования, Ла Манья знал все ее изъязны, но он прекрасно понимал, что школа не должна превращаться в поле брани, где побеждает сильнейший и где учителя должны защищаться от учеников. Однако, как пишет Эрри Де Лука, даже в те времена, о которых идет речь в рассказе, важными считались «куда больше вещей, чем сейчас», и будущее каждого из учеников «во многом определялось за школьными партами» [1, с. 78].

И все же не случайно школьный мир 1967–1968 учебного года воссоздан в рассказе Эрри Де Луки так скупно, по-кафкиански протокольно. Старому прозорливому учителю в нем виделся прообраз мира будущего, уже стучащегося в двери, мира погони за стандартом, в которую погрузится европейская система образования после событий 1968-го года, – мира, враждебного мысли и чувству, заключающего каждого его обитателя в «самые страшные оковы», «сделанные из канцелярской бумаги» (Ф. Кафка). Ла Манья не увидел, как «пустеют учебные классы в ходе войны, которую он предчувствовал и всеми силами пытался предотвратить»: в начале бурного 1968 г. у доброго Зевса разорвалось сердце. Но он успел преподать своим ученикам последний урок нравственности и пробудить в них личную ответственность за то, что происходит вокруг, тем самым устранив границы четко расчерченного поля брани, продемонстрировав зло, заключенное в «обоюдной враждебности», и «приняв на себя часть этого зла» [1, с. 81–82].

Финальные слова рассказа Эрри Де Луки не просто печальны – они пугают своей прямоотой: «Бывают люди, которые, умирая, уносят с собой целые миры. Даже через много лет ты смиряешься с потерей такого человека, только осознав, что, по сути, он умер вовремя» [1, с. 82]. И все же рассказ Де Луки не пессимистичен: после себя Ла Манья оставил новых колфилдов и благочестивых зевсов, готовых «стеречь ребят над пропастью во ржи», о чем, собственно, и мечтал герой романа Дж. Сэлинджера Колфилд: «Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему» [2, с. 155].

Литература

1. Де Лука, Эрри. Доска / Эрри де Лука; перевод с итальянского Е. Прокопьевой // Иностранная литература. – 2009. – № 12. – С. 75–83.
2. Сэлинджер, Джером Д. Над пропастью во ржи / Джером Д. Сэлинджер. – М. : Тройка, 1993. – 192 с.
3. Эрри Де Лука (Erri De Luca) [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://pl.spb.ru/projects/readers.../Erri_De_Luca.html. – Дата доступа: 12.10.2017.